

ЮРИЙ АРАКЧЕЕВ

Прорыв

18+

Юрий Аракчеев

Прорыв

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Аракчеев Ю. С.

Прорыв / Ю. С. Аракчеев — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Что мы знаем об эротических взаимоотношениях мужчин и женщин, кроме самых примитивных представлений о них? Как влияют они на нашу жизнь? А между тем – именно благодаря им рождается на свет каждый из нас. Автор рассказывает о двух романтических встречах, ставших для него весьма серьезными и много открывшими в его представлениях о жизни. Действие разворачивается в Крыму, на берегу моря. В оформлении обложки использована фоторабота автора.

Содержание

Часть 1. Ода	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Часть 1. Ода

«...Когда они услышат об этом, – он думал о Прорыве, – они обезумеют от радости. Насколько полнее станет теперь жизнь! Вместо того, чтобы уныло сновать между берегом и рыболовными судами – знать, зачем живешь! Мы покончим с невежеством, мы станем существами, которым доступно совершенство и мастерство! Мы научимся летать!»

Ричард Бах. «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

В той поездке, о которой я хочу рассказать, было очень много хорошего, и даже мелочи значительны и символичны. Все, что происходило было наградой мне, однако и испытанием.

Сколько всяких учителей вокруг! Как старательно со всех сторон пытаются нам что-то внушить, заставить поступать так, а не иначе! А на деле оказывается, что большинство «учителей», впахивая в наши головы то или иное «правило» или «мудрость», заботятся вовсе не о нас. Они либо преследуют какую-то корыстную цель, либо хотят показать нам, какие они мудрые и как хорошо разбираются в жизни. Однако очень редко мы встречаем среди них по-настоящему счастливых людей...

Чуть ли не с детских лет, я пытался понять, где правда на самом деле, что такое НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ, ДЛЯ ЧЕГО мы появились на этот свет, как надо жить ПРАВИЛЬНО. И почему-то всегда чувствовал, что окружающий мир гораздо лучше на самом деле, чем мы о нем думаем.

И вот эта поездка. Она особенно убедила меня, что мы даже не представляем себе, сколько богатств вокруг – только бери! Просто нужна ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ и нужны старания ПОНЯТЬ то, что вокруг нас НА САМОМ ДЕЛЕ.

1

Это была не первая моя поездка на юг, к морю, но в таких условиях первая. Я не был знаменитым, но все-таки уже считался писателем – меня приняли в Союз Советских Писателей по одной опубликованной книге. И мне дали путевку в Дом творчества в Коктебель – тот самый Дом творчества, который когда-то организовал поэт Максимилиан Волошин.

Со мной решил поехать приятель, с которым не так давно свел нас общий интерес. Звали его Василий, но он любил, чтобы его называли Робертом. Что ж, Роберт так Роберт. Это имя иногда подходило ему даже больше, чем настоящее. Пожалуй, в его лице действительно было что-то английское – сухощавость, прямой нос, этакое высокомерие и очки в тонкой золотой оправе. Хотя на самом деле он был русским, и Василий чем плохо? Но дело его. В общем, я звал его то так, то этак. По обстоятельствам. И – как ему хотелось. Иногда мне казалось, что он и на самом деле выступает в двух обликах. Несмотря на довольно обширную лысину и заметную седину, сложен был Роберт-Василий прекрасно, а главное держал себя в отличной спортивной форме. И был, как и я, одинок, то есть холост. Правда, в отличие от меня, прошел уже испытание женитьбой. Было ему едва за сорок, хотя выглядел он старше.

Интерес, который нас свел, можно, наверное, охарактеризовать так: интерес к жизни. Его, как и меня, томила жажда испытать то, чего в свое время испытать не удалось. Трудное у нас было время в юности... Хотя, если подумать, то какое время не трудное? В каждом времени трудности свои, а жить надо ухитриться в любом времени. В том, видимо, и секрет.

Что касается меня, то выглядел я внешне, как все говорили, моложе своих лет. Давали мне двадцать восемь-тридцать. Так я себя и чувствовал.

Единственное, что мне обязательно нужно было сделать в Доме творчества, – написать очерк для одной центральной газеты. Как раз перед поездкой на юг я был в командировке и

обещал в редакции, что пришлю очерк по почте или с оказией. Еще я взял свою повесть, почти законченную, чтобы ее доделать, – но это уже так, по обстоятельствам. Главное – отдых.

Еще в юности я подозревал об огромных потенциальных возможностях жизни. И пытался найти и использовать их. Но получалось это не всегда хорошо. Жил я хотя и в Москве, но в старом разваливающемся доме в одной из комнат большой коммунальной квартиры. На стенах комнаты под ветхими обоями гнездились клопы, и вывести их было очень и очень трудно. Вода в квартире была только холодная, центрального отопления в доме не было, приходилось топить печи. Кухня без окон, одна на семь семей, газ провели позже, а сначала готовили еду на керосинках и примусах. По столам в кухне бегали тараканы, а за плинтусами селились мыши, и избавиться от тех и других не удавалось никак. Мама моя умерла от болезни, когда мне было шесть лет, а отец попал под машину, когда мне было одиннадцать. Бабушка, которая взяла надо мной опеку, и моя двоюродная сестра-студентка жили в другой комнате той же квартиры вдвоем. Вскоре пришлось пускать в мою комнату жильцов, потому что денег на жизнь, естественно, не хватало...

Но я понимаю, что многие хорошие люди жили хуже меня – одна из моих первых любимых, к примеру, – очаровательная, очень красивая девушка – все детство и юность провела в бараке, который фактически не отличался от тюремного, причем когда мы познакомились, жила она вдвоем с бабушкой, потому что отец умер, а мать спилась и попала в тюрьму настоящую. А девушка, повторяю, была красивая, очень привлекательная, она работала, но в конце концов, увы, оказалась в тех же жилищных условиях, что и ее мать...

Какие уж тут потенциальные возможности!

Но все равно я подозревал, что дело не только в обстоятельствах внешних. Я знал людей, которые жили в прекрасных квартирах и в абсолютном материальном достатке, однако что-то не видно было, что они по-настоящему счастливы. В чем же дело?

Только с возрастом и опытом я начал догадываться, в чем...

2

Крым встретил нас отчаянным солнцем.

Администрация Дома творчества отвела мне очень хорошие апартаменты: комната на втором этаже нового корпуса, в которой стояли две заправленные кровати, шкаф, письменный стол... Да еще и уютная лоджия с двумя плетеными креслами и маленьким столиком. Роскошь! В таких шикарных условиях я не жил никогда! А впереди было двадцать четыре дня...

В первый же день, вернее, остаток дня – прибыли как раз к обеду – мы познакомились с несколькими симпатичными молодыми созданиями: с одной на пляже, ловя последние часы вечернего солнца, еще с двумя – когда искали жилье для Василия (нашли ему миниатюрный особнячок – «терем» – легкую летнюю постройку площадью метров шесть, снаружи увитую виноградом), и, наконец, еще с двумя, самыми очаровательными, на вечерней, то есть даже ночной темной улице, когда вышли просто так погулять. Да, мы оба с ним словно перенесли по времени лет на двадцать назад, ощутив, что жизнь щедро предоставляет нам шансы...

Море, природа – это, конечно, восхитительно. Но без женщин какая радость? О, Господи, помоги нам!...

Последнее знакомство было, кажется, самым интересным – две студентки из Москвы, Юля и Галя, обе красивые, живые, каждая в своем стиле, стройные, мы пригласили их в кино в Доме творчества на завтра, они согласились! И ложились спать мы с Робертом хотя и в одиночестве – каждый в своих апартаментах, – но в ощущении ошеломляющих, радостных перспектив.

Довольно давно в нашем кинопрокате был выпущен фильм с совершенно несвойственным нашей строгой «советской» жизни легкомыслием. И автором сценария был вполне серьезный товарищ, который не отличался ни легкомыслием, ни вольномыслием – он писал басни,

был автором текста нашего государственного гимна, а в последующие годы стал главным редактором фильмов тоже серьезных – сатирических, причем, разумеется, «социальных». Но этот «легкомысленный» фильм пользовался огромным успехом, я, например, смотрел его раза три и не потому, что был он очень уж безупречно сделан. А просто сверкнул как случайная улыбка в суровых и нудных буднях, словно шаловливый солнечный зайчик или намек на то, какой могла бы стать наша жизнь, если бы... Три молодых человека и две красивые девушки познакомились случайно на юге (тоже, между прочим, в Крыму), и... Он так и назывался «Три плюс два». Это был период «хрущевской весны», и многие – в том числе я – приняли эту очаровательную ленту за первую ласточку весны истинной. Разумеется, тотчас после ее прилета соответствующие инстанции спохватились, подобных «ласточек» больше не появлялось, да и весна так и не наступила. Но память об ожидании осталась.

И вот теперь наконец – через столько лет! – неужели нечто подобное может состояться не на киноэкране, а в самой что ни на есть реальности, в жизни моей?! Пусть это будет «пир во время чумы», пусть никуда не уйду я от реальности вещей, но хоть на время-то, хоть как случайный прорыв, как подарок, как солнечный зайчик...

Я ворочался среди свежих простыней, и от радости на глаза у меня чуть ли не наворачивались детские слезы. Я даже приподнимался на своей постели во мраке крымской ночи, словно пытаясь удостовериться, правда ли это все, не пригрезилось ли – и трогал добротную деревянную кровать и шелковые занавеси на окнах, с трудом различал в темноте стол и другую, пустую, кровать, и лоджию с креслами и столиком за занавесями, и тяжелые, яркие южные звезды, которые заглядывали в просвет. Сколько же других, совсем иных бессонных ночей предшествовало этой, сколько мучительных размышлений о бессилии, безнадежности попыток пробить железобетонную стену рутины, всеохватывающей, всепроникающей лжи, заполнившей нашу жизнь! Мои сочинения, вошедшие в единственную пока книгу – тоненький сборник повестей и рассказов, который, собственно, и стал причиной моего теперешнего счастливого пребывания здесь, – все эти вещи были написаны несколько лет назад и бесполезно странствовали по редакциям разных журналов до тех пор, пока жизнь случайно не свела меня с человеком, известным писателем, который рекомендовал сборник издательству. Даже личная, чисто женская симпатия ко мне со стороны редакторши помогла, без нее навряд ли появилась бы книжка. И по этой единственной книжечке приняли меня в Союз Писателей, причем вне очереди, и было много хороших рецензий в прессе. Хотя теперь по-прежнему странствуют бесполезно по редакциям другие давно написанные сочинения, и рецензенты пишут о них ту же чепуху, какую писали о тех, которые теперь хвалят... Те, кто препятствует появлению фильмов и книг, проповедующих не только мучительный труд неизвестно ради чего, но – радость жизни, – делают это, я думаю, вполне сознательно, и хотя сами мечтают именно о таком и стараются в меру своего понимания проводить время именно так и как можно чаще, строго следят за тем, чтобы «простые труженики» и не помышляли об этом, ибо если люди познают радость жизни и будут стремиться к ней, то как же заставить их работать за гроши, как же тогда запудривать им мозги «серьезностью международного положения» и необходимостью «беззаветного труда во имя будущих поколений»?

Но сейчас, пусть на короткое время, я завоевал себе право человеческой жизни – «пир во время чумы!» – и то, что я был единственным хозяином этой комнаты с двумя чистыми заправленными кроватями, прекрасной лоджией со столиком и плетеными креслами, с мерцающими в просвет между занавесями крымскими звездами, казалось волшебным сном. И вдвойне волшебным делало его воспоминание о недавних знакомствах, о «легкомысленных» перспективах...

Прекрасным, погожим, солнечным было первое крымское утро... Однако уже в первые часы начавшегося, казалось бы, пира жизни реальность напомнила о себе – из Москвы я привез простуду, которая за ночь не только не прошла, а усилилась, к тому же сильно заболел зуб, который перед отъездом врач посоветовала мне вырвать, а я не вырвал. Вот козни судьбы – они подстерегают нас на каждом шагу, как будто не только земные «боги» в человеческом образе, но еще и что-то (или кто-то?) заинтересовано в тусклости жизни нашей, где за все приходится щедро, порой даже слишком щедро платить.

Хотя мы и отправились на пляж с Василием, однако загорающие на гальке тела и синее море казались мне декорацией, а главные события развивались внутри моего организма: пекло в горле, свербило в носу, гонгом отдавались в распухающей голове тяжелые удары сердца, и надо всем этим царствовала мучительно-звонкая сурдинка не утихающей ни на минуту зубной острой боли. Зуб этот был когда-то запломбирован, но, как показал рентгеновский снимок, не до конца, отчего на одном из корней выросла киста, и скапливающиеся в незапломбированной полости газы, не находя выхода, давили на все вокруг, отчего боль росла и положение казалось безвыходным... Дракон имеет обыкновение подстерегать нас у самых врат Рая.

Только к вечеру боль немного утихла, наши вчерашние знакомые студентки пришли вовремя, не опоздали, они готовились к встрече – нарядно оделись, подкрасились, надушились, – это вселяло радужные надежды. И мы шли с ними под звездами сквозь кущи парка, но не было у меня сознания счастья. Фильм оказался на редкость бездарным, а после фильма девочки хотя и зашли в мои апартаменты, но не надолго, и разговор у нас как-то не очень вязался. И когда мы с Робертом, наконец, проводили их, то настроение было значительно менее радужным: обоих нас посетило предчувствие, что на следующую встречу – послезавтра – девочки не придут, хотя и обещали.

Конечно, главенствует в нашей жизни начало духовное, однако до чего ж зависим мы и от своего физического начала, и несмотря ни на какие возвышенные теории, здоровье души так все-таки зависит от здоровья нашего смертного тела! Эта, вторая, ночь была значительно менее радужной, можно даже сказать совсем не радужной. Я вспоминал свои познания в области йоги, без конца принимал «позу льва», однако болезнь игнорировала мои усилия, что же касается зуба, то он казался бомбой замедленного действия или предательским костром, который если и затухал, то лишь не надолго и грозил разгореться в неуправляемое слепое пламя.

И это я, здоровый в общем-то человек, тренированный, спортивный, имеющий здоровое сердце, легкие и все другое за исключением слизистых оболочек носоглотки и вот теперь зуба. Как же можно посочувствовать людям по-настоящему больным, надолго лишенным тех радостей, которых я, несмотря на свою простуду и ноющий зуб, разумеется, ждал! Вот она, наша Земля, юдоль печали: столько драконов подстерегает нас: материальная необеспеченность, неустроенность жизни, болезни, старость... Но тем более – тем гораздо более! – становятся важными по-настоящему счастливые часы, если они все же в конце концов выпадают, тем решительнее нужно к ним стремиться, тем больше беречь и запоминать каждый день, каждый миг, который приносит радость! Это золотой фонд нашей памяти, заветная библиотека, которую можно будет посещать потом, в трудные и безрадостные жизненные минуты. Ведь что-то в жизни все же зависит от нас, и если не слишком многое, то хотя бы вот это – внимательное отношение к ней, поиски радости, благодарность за те крупинки, которые нам все же перепадает!

Однако в третье утро моего крымского праздника таких крупин не было ни одной. Простуда осталась, зубная боль усилилась, к тому же погода испортилась: солнце спряталось, похолодало, задул сильный ветер. Ухудшение погоды всегда действует на меня, тем более действовало оно теперь. Пришлось обратиться в медпункт, где помазали горло и нос, но ничего не смогли поделать с зубом – зубо врачебный кабинет в поселке, он будет открыт только завтра, а сегодня остается глотать болеутоляющие таблетки. Но и они не помогли – вот ведь какая

штука. Стыдно было и перед Василием: вот так партнер у него оказался. Сам Вася, как всегда, был здоров, энергичен, играл в волейбол, даже купался, несмотря на холодное море.

К обеду пламя стало неуправляемым. О сохранении зуба я уже и не мечтал, казалось, еще немного – и скопившиеся газы разорвут челюсть на части. Перед глазами вспыхивали какие-то белые отблески, я корчился на кровати и очень явственно осознал известное выражение – лезть на стенку... Василий побежал на поиски зубного врача. Узнал его адрес, разыскал дом, уговорил, пришел за мной, и мы направились в кабинет, который был в соседнем пансионате.

С какой нежностью смотрел я на человека, который готовил инструменты, чтобы лишить меня законного элемента моего тела, верой и правдой служившего столько лет, а теперь вот вследствие болезни ставшего персоной нон грата! Наркотизирующую жидкость укола моя ротовая полость впитывала как лакомство, а когда новокаин начал действовать и погасло вдруг адское пламя боли, первая крупинка проклюнулась. Здесь, в зубо врачебном кабинете, сидя в кресле в ожидании не самой приятной из операций (последний раз зуб мне рвали лет десять назад, но я очень хорошо помнил все детали события и все чувства, которые оно вызывало), глядя на то, как врач подыскивает щипцы, ощущая характерный аромат эфира и всякой другой зубо врачебной химии, зная, что скоро, возможно, меня опалит огромная боль и кровь будет литься в горло и испачкает подбородок и грудь, а язык уже почти не ворочался... – ощущая все эти реальнейшие детали сиюминутного бытия, я почувствовал радость. Да, радость оттого, что мучившая меня боль, оказывается, не вечна, что источник ее сейчас удалят и она, скорее всего, не вернется, а то, что еще одного зуба не будет – бог с ним, перебежусь как-нибудь, не впервой! Боль предстоящая? Что она, пусть даже очень сильная, если после нее не будет той, настойчивой и неуничтожимой, которая мучила меня вот уже столько часов! Все можно выдержать ради избавления, ради освобождения. Вот, перетерплю сейчас, а там, глядишь, и начнется, наконец, праздник...

Зуб был очень трудный, наполовину изъеденный кариесом, и верхушка его, конечно же, обломилась, и щипцы никак не захватывали, хотя кровь уже ощутимым потоком текла в моем скованном заморозкой рте и капала с занемевшей губы, и мужчина в белом халате ловко менял щипцы, а потом даже включил бур, чтобы перепилить мешающий ему мост между корнями – один из корней был длинный и загнутый, это я помнил по рентгеновскому снимку, – и длилось все это, конечно же, долго, и в голове у меня мутилось, и пот лился вовсю, но дух мой торжествовал. Страшны муки, но еще страшней безнадежность. Блаженны муки, избавляющие нас от нее...

И блаженна цель – те искры радости, крупинки сознательного человеческого бытия – человеческого, а не тупого и скотского! – которые, собственно, и составляют жизнь, ее, так сказать, полезную фракцию, выпадающую в вечный осадок! Ее цветок.

Слава вам, врачи, скромные труженики, возвращающие нам радужное сияние мира! Какой ценой измерить простой, в общем-то, поступок милого этого мужчины, нарушившего свой мирный отдых в кругу семьи ради того, чтобы вернуть нам праздник? Не определишь ее материальными цифрами, но если есть справедливость в мире, то пусть она отсыплет ему достаточное количество тех самых крупинок...

И, конечно же, огромное спасибо Василию.

Вечером мы уже расхаживали с ним по темным улицам поселка, и я опять ощущал красоту бытия, хотя рот был все еще скован. И хотя на другой день погода была опять плохая, а простуда все еще не прошла, жить стало легче потому хотя бы, что первый успех принес веру в успехи последующие. Не вечным же будет ненастье и не вечной будет простуда – вот, зубной боли-то нет...

После завтрака мне даже удалось поработать – перенестись в солнечную республику, на родину великого Низами, где в реальности я побывал весной. Об этой поездке я и должен был написать очерк.

Вася все же пошел на пляж, а в обед сказал, что познакомился с девушкой и хочет ей показать территорию Дома, а потом зайдет с ней ко мне.

– Симпатичная? – спросил я.

– Да, очень милая.

– На сколько очков по внешности?

Тут надо объяснить, конечно, что без всякой унизости для наших «объектов», просто так, по юношеской лихой привычке, мы ввели своеобразную оценку девушек по внешности. Разумеется, оценка эта не имела решающего значения, но все же давала нам возможность сличать свои вкусы и как-то ориентироваться. Юлю и Галю, с которыми ходили в кино, мы «оценили» очень высоко, дав им по 8-9 очков из десяти, хотя ясно, конечно, что оценка эта несерьезная и относительная. Еще двух знакомых девушек мы наградили соответственно 3-мя и 5-ю баллами, хотя и это было, разумеется, весьма условно. Любая новая информация могла эту оценку немедленно изменить... В столовой Дома творчества я в первый же день увидел совершенно неземное существо – изящную стройную девушку лет 18-ти в обворожительных белых шортиках, голубоглазую, с распущенными длинными волосами, всю какую-то воздушную и солнечную – и сказал, что вот это для меня почти десять очков, но очень мала надежда, хотя я был бы счастлив пусть даже только фотографировать ее, только лицезреть в восхищении... На что Василий скептически ухмыльнулся. «Знаем, мол, это «только фотографировать»... Вот поэтому я теперь и спросил.

Вася подумал, помялся, потом ответил:

– На шесть. А если с поведением, то на восемь. В поведении очень милая девушка.

– А Юля и Галя по девять?

– Да, по-моему по девять.

– Ого, как они тебе понравились. Как ты думаешь, придут они завтра, как договорились?

– Не думаю.

– Ну, а с этой девушкой ты когда придешь?

– Мы в половине третьего встречаемся, часа в три зайдём. Если ты, конечно, не будешь занят.

– Да, очерком я позанимаюсь, но ничего. Все равно приходите. Может быть, у нее подруга есть?

– Не думаю.

– Ну, все равно приходите. Только лучше в половине четвертого, а не в три. Хорошо?

4

Как мы привыкли фетишизировать труд, работу – любой труд, любую работу! Настолько это в наши головы въелось, что подчас искренне не понимаем: как же это можно без повседневного отупляющего труда? А отдых и праздники честным людям иногда кажутся хотя и дозволенными, однако же как бы предосудительными. Не умеем трудиться – не умеем и отдыхать...

А ведь если бы современный человек хотя бы часть своего времени тратил не на то, чтобы без конца производить и получать сомнительной необходимости предметы, а на то, чтобы задуматься, во имя чего и зачем он живет на Земле, то, может быть, жизнь его стала бы более похожей на человеческую? А не на существование безгласного и постоянно трудящегося непонятно во имя чего робота (или – наоборот – бессовестного хищного паразита)... Что же касается потенциала человеческого труда, то известно, что его вполне достаточно на то, чтобы накормить всех голодных и дать жилье всем бездомным на планете Земля. Да еще и осталось бы. Загвоздка в том, чтобы нам всем договориться наконец и не использовать и не насиловать друг друга, а – уважать... Наивный я, понимаю. А все-таки...

Мысли подобного рода всегда начинают мучить, когда садишься за очерк о тружениках, но рассуждать на эти темы у нас в Советском Союзе было как-то не принято. Считалось, что все

уже решено «наверху», и нам «нижним», нечего совать нос не в свое дело. А нам, журналистам, следует лишь объяснить необходимость и правильность принятых «наверху» решений. Но ведь хочется выразить и свое... Мысль мучительно пробивается сквозь частоколы запретов, вянет, хиреет, и в конце концов ты уже не в состоянии связать концы с концами вообще! А писать-то нужно! Потому что, во-первых, есть долг перед теми людьми, которые тебя послали в командировку, как и перед теми, к которым ты ездил и с которыми говорил. А, во-вторых, ты всегда все же надеешься, что хоть какую-то, пусть малую пользу, но принесешь, несмотря ни на что...

Работа странная и нелепая, потому что ты постоянно оговариваешь и поправляешь себя, противоречишь себе, оправдываешься, пишешь не совсем то, что на самом деле думаешь, играешь в дурачка перед самим собой – и все во имя того, чтобы сказать людям хоть что-то. Пусть не совсем свое, но хотя бы отчасти! Потому что другого выхода все равно нет, другого редакция не пропустит.

И так мучился я и торговался сам с собой, с трудом и без радости выжимая строчки, когда в половине четвертого, как и договорились, снаружи закричал Василий.

Я выглянул, увидел его, увидел девушку в джинсах и серой модной футболке в обтяжку с каким-то рисунком. Девушка была спортивная, стройная, молодая, рядом стоял сияющий, гордый не Василий, а, конечно же, Роберт... Я кивнул «англичанину», быстро собрал листки, пока Роберт с девушкой поднимались по лестнице, и вот открылась дверь, и они вошли.

Погода была пасмурная, как я уже говорил, в груди и глотке моей еще гнездилась простуда, на месте зуба, вырванного вчера, зияла глубокая рана, которая постоянно напоминала о себе, размышления об очерке тоже не давали повода для радужных переживаний – то есть все вокруг было каким-то серым, тусклым, безрадостным, – но когда они вошли, я ощутил прямо-таки каскад флюидов молодости, здоровья, бодрости, который источала кареглазая стройная девушка с высокой грудью и волосами, собранными в пучок на затылке. И мне показалось, что во всей атмосфере началась какая-то глобальная перестройка. Словно бы паутина спадала с меня, даже дыхание стало чище и глубже.

Ее звали Галя, на вид было ей лет восемнадцать-двадцать, и к тому, что я уже сказал, нужно добавить, пожалуй, что глаза ее удивительно как-то мерцали, а все тело ее торжествовало в своей молодой и здоровой жизни и словно бы находилось в постоянном движении, хотя она и не делала как будто бы ничего, разве что, сев на мою кровать, сцепляла и расцепляла свои длинные сильные кисти, играя загорелыми пальцами.

– Каким спортом вы занимались? – спросил я ее чуть позже.

И она ответила:

– Гандбол. Ручной мяч.

И это очень подходило к ней.

Сколько разного копится в подсознании нашем! И в этот вот миг девушкой, вошедшей внезапно в комнату мою, разбужено было тотчас так много... Почему? Каким образом? Вечная загадка... Ее появление взбудоражило и тот давний, школьный пласт, о котором я, кажется, уже совсем забыл. Чего мне особенно тогда не хватало – не только мне, всем нам! – так это того, что есть у многих из теперешнего поколения молодых: здоровья, раскрепощенности, ощущения – пусть только лишь подсознательного – своей свободной человеческой сущности. Того самого, что было в Гале с избытком и излучалось! Хотя где ей было знать, конечно, что она для меня – словно вестница, носительница несостоявшегося, отзвук так и не расцветшей полностью юности моей... Но ее подсознательное естество несомненно знало, я видел. И оно тотчас откликнулось, и тут уже ничего нельзя было сделать – у меня даже горло сжималось, когда я на нее смотрел, словно я, исстрадавшийся от жажды путник, теперь лихорадочными глотками пил.

А Роберт сел рядом с ней напротив меня, и вид у него был, как у именинника или как у большого ребенка, который нашел красивую игрушку и вот принес ее приятелю посмотреть. И игрушка вела себя по отношению к нему соответственно – как игрушка. То есть она ничем не

выражала хоть какой-то своей неигрушечной причастности к Васе, я видел. И сразу подумал: она не будет с ним долго, она не принимает его всерьез, и вряд ли получится у них хоть что-то...

Женственность, как я уже сказал, так и излучалась ею. И она ее не стеснялась. Высокая грудь топорщилась в тесной майке, стройные сильные ноги натягивали ткань джинсов, глаза мерцали, лицо не оставалось в покое ни на миг, без конца меняя свое выражение – временами появлялся даже как будто бы оттенок тревоги, – она часто улыбалась, реагируя на наш разговор, и улыбка была удивительно лучистая, светлая, несмотря на карие «ведьминские» глаза и темные брови, и совсем не женская улыбка – детская. Да, это завораживало особенно: соединение зрелой женственности с некоторой инфантильностью, детскостью. Двойственность была и в чертах ее: анфас она была проста, мягка, добра, а в профиль казалась гордой, независимой, жесткой. Анфас лицо ее было русское или русско-татарское, темноглазое и слегка скуластое, а в профиль то ли испанское, то ли индейское. Вот эта живость, естественность, переменчивость, двойственность, да еще темперамент очаровывали тотчас, и я вспомнил характеристику Васи: «По поведению – восемь». Значит, даже его проняло, но совершенно ясно, что недостаточно – он, видимо, просто не в состоянии оценить, потому что если уж говорить о «поведении», то ставить меньше десятки просто нечестно. Да и во внешности он явно не разобрался. Оценивать на шесть это сияющее юное существо несправедливо никак.

Тем не менее, Роберт теперь улыбался с таким выражением, что вот, мол, знай наших! Но только в первые минуты. Прошло совсем немного времени, а она уже слушала только меня, а когда говорил он, покорно пережидала, но все лицо ее выражало терпеливость и скуку. Нет, это поразительно, как менялось ее лицо! Разумеется, я совсем не старался ее увлечь, скорее даже наоборот: во мне была небрежность с оттенком досады – познакомился-то ведь с ней Роберт, вот ведь повезло человеку, хотя он, похоже, не в состоянии даже понять, кто сейчас рядом с ним сидит! Говорил же я какую-то чепуху, а в частности спросил, нет ли у нее подруги, чтобы нам встретиться как-нибудь вчетвером – потанцевать, послушать музыку, поиграть во что-нибудь. О подруге она отвечала уклончиво: есть, но вряд ли пойдет, потому что увлечена аспирантами, с которыми лично ей, Гале, надоело, а подруге нет. Еще сказала, что подруге семнадцать лет, хотя выглядит старше и очень хорошенькая.

– Вы еще слишком молоды, чтобы скрывать свой возраст, поэтому, если можно, скажите, сколько вам лет? – спросил я.

И она ответила, что двадцать один.

Под конец визита «англичанин» сидел уже как на иголках, это явно чувствовалось. Он не чаял, как увести ее от меня, но она не торопилась. И когда я сказал, что собрался на рынок за фруктами, она тотчас предложила пойти всем вместе.

И мы вышли, направились на рынок, а погода еще ухудшилась, дул сильный ветер, вот-вот собирался пойти дождь, похолодало. Походка у нее оказалась летящей: она размахивала руками, но не сгибала их в локтях, зато выгибала ладони в запястьях – так, словно шла на цыпочках. И высоко несла грудь, а голова гордо поднята. Индианка, креолка, метиска! Тем более, что сильный загар.

На рынке Вася-Роберт играл щедрого мужчину, такого князька – свысока приценивался, брал самое дорогое, не торгуясь, но выглядело это как-то неестественно и смешно, настолько прозрачной была его демонстрация. Перед Галей и явно против меня. Он был нервен и не мог скрыть своей враждебности по отношению ко мне, но это было несправедливо и вызывало во мне только досаду. Галя, по-моему, тоже все чувствовала. Когда прощались, я улыбнулся Гале, а отойдя на несколько шагов, обернулся. Она смотрела мне вслед и с совершенно очаровательной детской улыбкой помахала рукой. И даже в этот момент Вася не мог скрыть своего беспокойства – лицо его приняло суровое, осуждающее выражение, а на худых щеках заиграли желваки. Ревнивый Роберт! Я шел легким шагом, чувствуя, что простуда моя обострится после

этого похода на холодном ветру, но уже перебирал в памяти сверкающие крупинки. Увижу я ее еще или нет? Возможно, что нет, потому что Вася, судя по всему, не допустит.

Но при всем при этом была у меня уверенность, что на Галю тоже произвел впечатление визит, и я надеялся даже, что она сделает что-нибудь, чтобы нам еще встретиться, уговорит как-нибудь «Роберта». Ей в сложившейся ситуации легче. Да поможет ей Бог!

Крупинки же драгоценные все равно остались. И они вовремя напомнили: жизнь, несмотря на ненастную погоду и всякие невезенья, прекрасна. Точнее: может быть прекрасной. Цветочек моей души зябко расправлял свои лепестки.

5

Как же все-таки определить жизнь человеческую на Земле? Что она? Ради чего? Зачем?

Ясно, конечно, что жить надо в первую очередь для других, для общества – любое дело, которым человек может и должен быть увлечен, имеет смысл лишь когда оно не только для одного тебя, когда есть надежда, что оно улучшит жизнь человеческую вообще. Так нас учат, и это, наверное, правильно. Но вот «жизнь человеческая» вообще, что же она такое? Есть ли в ней *смысл*?

Сколько веков человечество бьется над этим – не все человечество, разумеется, а лишь отдельные его умы – и к чему же пришли? Да, нет ясности до сих пор, однако сама жизнь постоянно подсовывает нам всяческие возможности, а поступаем мы, выбирая их, по инерции: то есть чаще всего осознанно не поступаем никак. И еще известно, что сумели как-то установить ученые, что мозг даже развитого современного человека функционирует всего лишь процентов на шесть. А остальные девяносто четыре? Тут тайна, покрытая мраком...

Последующий вечер и последующий день как-то изгладились из моей памяти. Как ни стараюсь, ничего не могу вспомнить кроме того, что погода опять была плохая, а простуда не отступала, я работал над очерком через силу, потом над повестью, которую, как уже говорил, взял почти написанную, а здесь в новой обстановке смотрел на нее отстраненно, чтобы понять то самое «чуть-чуть», которого в ней, как мне кажется, не хватало. Только привычный оптимизм поддерживал меня, вселяя надежду на то, что погода хоть когда-нибудь да изменится – не может ведь в начале сентября наступить здесь суровая осень! – а потому главное пережить это ненастье и выздороветь от простуды. Как это в песне поется? «Пасмурным днем вижу я синеву»... Чисто русская песня.

И вот что удивительно: мимолетная эта встреча с Галей казалась мне гораздо более важным событием, чем все другое! И важнее даже, чем мой будущий очерк. И это при том, что я вовсе не считал себя бабником, и никто меня не считал! Но, честно прислушиваясь к себе, я ощущал: встреча с Галей важнее всего! Ну, что тут поделаешь?

Студентки – Юля и тоже Галя, – как мы с Васей и думали, не пришли. Но это мы, разумеется, пережили. Меня несравнимо больше грели воспоминания о Васиной Гале, а Вася вообще ходил именинником: вечером он собирался встретиться с ней и признался мне, что хочет пригласить ее в свой терем. Еще он сказал, что «не избалован женской лаской» и для него большая радость «просто так» общаться с этой очаровательной девочкой. А может быть и удастся поцеловать... В этом я его, конечно же, понимал. Правда, вчера, сразу после похода на рынок, проводив Галю, он, взбудораженный, ворвался ко мне и заявил, что меня опасно знакомить с девушками.

– Почему? – наивно спросил я.

– Отобьешь, – быстро проговорил он.

Я хотел обратить в шутку, но он вдруг всерьез стал упрекать меня за то, что я, якобы, не давал ему слова сказать, когда они были у меня.

Это было несправедливо, и я попытался возразить ему, но он по своей привычке жевал губами, играл желваками, подыскивая слова, чтобы настоять на своем, но так ничем и не смог

со мной согласиться. В конце концов мне стало жалко его. Ну и что же, если не избалован женской лаской? Тем более. Учиться же надо, учиться, а не обвинять других в своих неудачах... Я ведь не собирался ее у него отбивать – говорил с ней просто, и все. Ну, а он что же молчал, если на то пошло?

И очень грустно мне стало после Васиных слов: я как-то окончательно понял, что хорошего тандема у нас с ним не получится. И тотчас снова пришла на память сценка в поезде, когда ехали сюда. Наша соседка, Таня, как я уже говорил, была очень милая девчушка, и во взглядах, которые она на нас бросала, читался определенный интерес, и было вполне естественно, что она нам обоим понравилась. Но Вася до часу ночи просидел над ней, уже легшей спать на нижней полке, нес какую-то чепуху и, по-моему, ни разу не дотронулся даже до ее руки. Я спал наверху, уже перевидел какие-то сны, проснувшись, глянул вниз и увидел: сорокалетний седой мужчина сидит рядом с двадцатилетней девчонкой, которая, судя по выражению ее лица и жалкой улыбке, с которой она на меня посмотрела, не чаяла, как уснуть, и только из приличия и уважения к возрасту не отворачивалась, а он по своему обыкновению страдает словесным поносом, состоящим из общих мест, и, увлеченный самим собой, вовсе не заботится о реакции слушательницы. Тупая навязчивость и ни крупинки юмора! Я все же уснул, а когда утром попытался по этому поводу пошутить, Вася тотчас принял серьезное и осуждающее выражение и заиграл желваками. Рассерженный Роберт...

Еще признался он мне, что вообще поздно узнал женщину как мужчина. Но ведь так же и я! И тем более теперь нужно нам всеми силами избавляться от комплексов – учиться! Для чего легкость и юмор необходимы прежде всего! На словах он соглашался со мной, но любая очередная девчонка приводила его в состояние суетливого и беспомощного обожания, отчего он тотчас лишался всех шансов. Если же я пытался хоть шутками образумить его, он обиженно куклился и играл желваками...

И вот теперь именно он познакомился с Галей. Ну, справедливо это, скажите?

Да, вижу, вижу. Слишком много места занимал Вася, то бишь Роберт, в моем бытии у моря. Ну, а как же иначе? Ведь человек, с которым мы вольно или невольно сближаемся, и на самом деле берет на себя так много. А с Васей мы, к тому же, планировали нашу совместную жизнь на юге – он сам предложил поехать вдвоем. Ну вот и – как говорил Кот Леопольд – «Давайте жить дружно!»

И вот что интересно: дело не только в том, что я никак не мог от Васи отделаться. А в том, что в Васе... вернее, в Роберте... Да-да, именно в Роберте! – видел я *прошлого себя*. Такой же приблизительно и я был лет десять назад! Ну, может быть, не совсем такой, но в чем-то похож – многовато суетился, трусил, не уверен был... Теперь-то начал, кажется, понимать и меняться, точнее – возвращаться к себе. Но... Все знают, как это трудно.

Итак, в тот раз – после его визита с Галей наш разговор, слава Богу, не перерос в конфликт. И я все же искренне пожелал ему удачи в свидании. Он суетился, готовился, как школьник, к встрече, менял рубашки одну за другой, не зная, на какой именно остановиться, зубную пасту жевал – чтобы изо рта хорошо пахло. А я наблюдал. С пониманием и печалью.

Не слишком веселым, хотя и вполне возбужденным был он на следующее утро, и я спросил, как дела.

– Музыку слушали. В одиннадцать я ее проводил. У них на турбазе двери закрывают в одиннадцать.

Значит, они были вместе всего два часа.

– Ну, и как?

– Прекрасно. Я просто балдею с ней.

– Сегодня тоже?

– Разумеется, – он качнул головой. – В горы пойдем.

– А вечером?

- Не знаю пока. Придумаем что-нибудь.
- А с подругой она не может прийти? – спросил я все-таки.
- Ты же слышал, что она не хочет, – ответил он строго.
- Мы собирались вместе с тобой, между прочим, – сказал я. – Двое на двое. В компании то есть. Так и задумано было, когда сюда ехали, разве не так?
- Она скоро уедет, – попытался он оправдаться.
- Когда?
- Знаешь, я даже боюсь спросить.

Да, это был влюбленный мальчишка – ну точно я лет десять-пятнадцать назад! – лишенный уверенности и самосознания, было смешно, трогательно и грустно смотреть на его «английский» профиль в очках, видеть седую голову, быстро жующие губы, все это так не вязалось...

Но я опять пожелал ему удачи вполне искренне, дал даже дефицитную цветную пленку для фотоаппарата. Как ни понравилась мне Галя, но дружба и человечность дороже: если получится у него – пусть, дай ему Бог, я в конце концов найду же себе кого-нибудь, надо только расстаться с простудой.

- На обед он явился счастливый, я спросил, ходили ли они в горы, он сказал, что ходили.
- Фотографировал?
- Фотографировал! – он радостно посмотрел на меня.
- Без всего? – спросил я нагло.

Тут он взглянул на меня осуждающе и сказал:

- У меня язык не повернулся бы ей предложить.

Теперь это был оскорбленный Роберт. Он так смотрел на меня, будто я и на самом деле оскорбил божество. А между тем он вместе со мной считал такие фотографии не только не предосудительными, а наоборот прекрасными, видел у меня такие слайды, они нравились ему. И он, разумеется, не прочь был бы фотографировать так же, спрашивал, как это делается – какой фон нужно подбирать, какую выдержку и так далее. Восхищаться красотой женского тела – что ж тут плохого? В конце концов ведь это – та же природа, только, может быть, наиболее концентрированное, наивысшее выражение ее, разве не так? Но теперь Роберт воспринял мой вопрос так, словно я оскорбил его в лучших чувствах. То есть, фотографировать «без всего» как будто бы можно, но только в том случае, если не очень уважаешь, а если уважаешь, то, наоборот, нельзя? Почему же тогда он восхищался моими снимками? Он, что же, считал, что я не уважаю тех, кого фотографирую? Ну и ну.

Досада опять взвилась во мне, но тотчас утихла. Тоскливо стало. Я смотрел на него, бодро жующего свой обед, и видел, что разубеждать и доискиваться справедливости бесполезно. Врет ведь. Очень хотел бы, но даже предложить боится. Вот и делает вид.

Ну, что ж, ну, что ж, как выражается в таких случаях один мой философски настроенный приятель. Ну что ж! По крайней мере ясно. Я еще раз понял, что нужно избавляться от простуды как можно скорее и кончать с очерком. К тому времени, может быть, и погода наладится. И хорошо бы найти какого-нибудь парня – с ним организовать тандем. Все же именно это привлекало меня больше всего. Совместный всеобщий праздник, пусть с немногими участниками. Маленькая, но – модель «рая». Возможно это в нашей жизни? Или все-таки нет?

6

И прошел еще вечер. И еще ночь. Вечером я опять работал над очерком. А утром за завтраком увидел Роберта все таким же целомудренно-очарованным.

- Что сегодня делаете? – спросил я между прочим.
- Пойдем опять территорию вашу смотреть. Дома творчества.
- Зайдете?

– Не знаю. Видно будет.

И почему-то ясно стало, что отношения у них на излете. И как далекая весть прозвучало «территорию вашу смотреть». Не ее ли это инициатива? Но нет, он не приведет ее ко мне. Ни за что!

Погода была еще хуже, дул сильный ветер, морские волны вздымались и ровными шеренгами шли на берег, я подумал, что надо будет выйти потом на набережную пофотографировать волны. Очерк шел плохо. Дело в том, повторяю, что я понимал: как обычно, мои мысли и взгляды не совпадут с мыслями и взглядами редактора. Более того – чем лучше будет очерк с моей точки зрения, тем хуже будет он с точки зрения того же редактора. Обычное дело... Все же я сидел над ним, пытаюсь найти приемлемый компромисс. Отчитаться за командировку надо, ничего не поделаешь. И все время я помнил, к тому же, что Вася-Роберт без всякой надежды и пользы встречается сейчас с девушкой, которая судьбой предназначена для меня. Однако представления о порядочности не позволяют мне... Опять компромисс! Глупость, конечно. И все-таки.

Я решил пройтись. Машинально смотрел в серые от ненастья аллеи. И один раз мельком увидел их. Роберт бодро вышагивал в своем спортивном костюме – синем с белыми полосками, – он жестикулировал бойко, а Галя шла рядом, понуриив голову... Или мне показалось? Они пересекли аллею и пропали. Я вернулся к себе, хоть и был совершенно уверен, что гостей не будет.

В обед мы встретились с довольным Робертом, а после я походил по территории Дома, потом зашел за фотоаппаратом и отправился на набережную фотографировать волны. И вдруг увидел их. Роберт стоял, облокотившись на парапет в эффектной «английской» позе, а Галя рядом...

Как она просияла, когда я подходил! Казалось: солнце выглянуло. Одна эта улыбка – непосредственная, детская, радостная – показала, что я не ошибся: она ждала и наверняка предлагала «Роберту» зайти ко мне. Ее улыбка была настолько сияющей, и даже поза настолько недвусмысленно говорила о том, что происходит – она повернулась ко мне и привстала с парапета и только что руки не протягивала навстречу... Мне даже неловко стало перед Васей. Но он, ослепленный, ничего не понимал. Только улыбался блаженно. И лишь когда я захотел сфотографировать Галю, в нем проснулось чувство собственника. И он не позволил! Ничего себе, а? Только вдвоем, только с ним, Робертом! Ну и ну. Сам не понимая того, он просто толкал нас с Галей навстречу друг другу...

Вдвоем так вдвоем, мне все еще не хотелось ссориться, и я сфотографировал их вместе. И Галя так ласково улыбалась мне в объектив! Улыбка ее просто притягивала, и нельзя было не сказать ей чего-то хорошего, и я что-то сказал, а она так живо реагировала! Она совсем повернулась ко мне, отвернувшись от Роберта, словно его не было здесь, и лицо ее сияло. Но, черт возьми, он же сам виноват!

После она призналась мне, что собиралась тогда уходить от него окончательно – «надоед до ужаса», – и на набережной они как раз прощались, она сказала ему, что пойдет спать. Когда гуляли по территории, она несколько раз предлагала зайти ко мне, но он возражал, говоря, что я работаю, мол, и нельзя меня тревожить... Но это она сказала потом.

А сейчас естественно возникла идея общей вечерней встречи. И Роберту ничего не оставалось, как на нее согласиться. «Я очень боялась, что ты сфотографируешь море и уйдешь, а как же я?» – говорила она потом. Потому, значит, и поворачивалась ко мне, сияя...

– Надо найти четвертую, – сказал я.

А Галя заявила, что подругу приглашать не хочет, да она и вряд ли пойдет.

– А разве вам меня одной мало? – спросила с детской непосредственностью.

Решили, что после ужина мы с Робертом все-таки найдем какую-нибудь девушку прямо на набережной – для компании. Уже тут начали внимательно смотреть на проходящих, но пока

не находили достойной. С Галкой договорились на полдевятого – после ее ужина на турбазе, – и она ушла, оживленная, своей летящей креольской походкой.

«О, женщины!» – вновь и вновь восклицаю я в восхищении. И недоумеваю. Тысячи лет существует письменность, сотни лет наука, в последние десятилетия мы наблюдаем чудеса технологии, философы вот уже столько веков пытаются объяснить мир и наше существование в этом мире, а главнейший вопрос вопросов – соединение двух природных начал, женского и мужского, – обращает на себя их внимание меньше всего! Общение с Богом (о котором ведь никто в сущности ничего не знает – одни фантазии и предположения), со Вселенной (сколько сил отдано изучению Космоса!), с собственным внутренним миром (о котором так мало знаем...), с тайнами материи, энергии, времени... Но самому важному, касающемуся каждого в первую очередь, тому, с чего начинается жизнь каждого существа – общению двух полов! – уделяется внимания поразительно мало! Разве только в искусстве, но и то главным образом – эмоции, охи и ахи, поцелуи, письма-записки, погашенный свет в спальне... Что же касается главного – непосредственно физического, эротического контакта, важнейшего для природы, – ни-ни-ни! На это в приличном обществе даже намекать неприлично... То есть это как будто бы само собой: хочется совокупляться – совокупляйтесь, а говорить об этом всерьез, изучать это пристально – нет-нет-нет! Ну не странно ли?

Доктор Фрейд, дерзнувший всего-навсего связать возникновение неврозов с половой сферой и таким образом заглянувший в «святая святых», произвел фурор: «Какая смелость, надо же!» Деваться было некуда, и возникла целая отрасль медицины – сексология. Что же она изучает? А в основном чисто физиологические вопросы человеческого совокупления и связанного с этим физического здоровья. А также «безопасный секс» и контрацепция. Все! А то, что так называемый «секс» влияет на всю не только физическую, но – духовную! – жизнь человека и порой даже *определяет* ее? А то, что каждый из нас появился на свет исключительно – и только! – в результате «этого»? А то, что жизнь без любви и без «этого» – то есть, в частности, без соответствующего правильного отношения к «этому» – просто лишена смысла и становится вредным для природы планеты существованием двуногого «гомо сапиенс», который природу – и свою и окружающую – безжалостно разрушает? Если человек не пользуется данными ему возможностями *осознания*, а точно так же, как и животные бездумно ест, гадит, рождает себе подобных, то он, конечно, хуже животного! Ведь он в таком случае просто-напросто *губит природу*, пользуясь гигантским потенциалом уничтожения, каковой дан ему вместе с огромным мозгом. Неужели в этом смысл нашего существования на планете?

Галя ушла на ужин, а мы с Васей принялись искать вторую девушку, хотя Вася смотрел на меня волком. Да, я, разумеется, понимал его. То его подруга кисло стояла, говоря, что не хочет встречаться вечером, а хочет лечь спать, но стоило появиться приятелю, как все мгновенно преобразилось – она просияла и активнейшим образом восприняла идею общей вечерней встречи! И уже не только я, но и она «не давала ему слова сказать» – она самым элементарным образом от него отвернулась и даже не делала вид, что слушает, когда он дерзал что-то проговорить. Я его понимал. И все-таки: ну и что же, Роберт! Не повезло? Но что же теперь... Ведь было же что-то у вас, дорогой Вася, ведь целых два дня с хвостиком, ведь сам говорил, что «балдеешь» – вот они и крупинки заветные! Береги их! Что ж на рожон-то лезть, если не получается больше, верно?

Так думал я, наконец-то не ощущая себя виноватым, и попытался ему объяснить, но он не хотел слушать и злился на меня. Потом уже, в Москве, когда я в очередной раз пытался его образумить, он сформулировал так: «Скажи, имеет ли право человек подходить к двоим, когда они не хотят, чтобы он подходил?» Я сказал, что подойти человек имеет право всегда, а к тому же в том случае, какой он имеет в виду, «не хотел» только один из двоих, другой как раз наоборот хотел и даже очень, так что общий счет 2:1 в пользу подхода, и почему же это желание одного из троих должно быть решающим и безапелляционным? Разумеется, он

не знал, что ответить, он только посетовал, что не может так четко формулировать, как я, а то бы... И беспомощно играл желваками. Ах, Вася, Вася...

Мы шли с ним по набережной, и было темно, фонари местами вообще не горели – электричество, что ли, берегут в поселке? Вася нудил, что он, мол, показал мне девушку, которая прошла мимо только что, а я не успел разглядеть, и если я буду так церемониться, то мы не успеем к половине девятого. Он вообще дергался, нервничал и играл желваками... Времени и правда было уже за восемь, а ничего пока не нашли, но тут Василия осенила идея подойти к танцплощадке. Там еще не началось, но люди-то уже собираются, мы быстро зашагали туда и недалеко от входа увидели на скамейке троих. И все три как будто бы в порядке.

Я тотчас подошел к ним и предложил пойти и послушать музыку, а заодно и Дом творчества посмотреть, где они еще, как выяснилось, не бывали. Вася тотчас поддержал, он, правда, был не очень решителен, сомневался, а я сразу понял, что они пойдут. И чем больше говорил, тем больше они мне нравились. И даже не знаю, какая больше – редчайший случай, когда все три подруги, как говорится, на уровне. И в то же время все разные. Это было поразительно – огромный успех, они вдруг встали, чтобы идти! И все трое оказались высокими, породистыми, с рельефными женственными формами, в модных брюках, и каждой было лет двадцать.

Да, женственность прямо так и окружала их облаком, мы с Робертом купались в ней, когда шли, он сориентировался быстро и живо заговорил с той, которая была самой общительной и, очевидно, верховодила. Знакомые нотки навязчивой суетливости появились в нем, я взирал на него с удивлением: а как же Галя? Но при этом его активность меня, конечно же, радовала...

Я шутил, что трое девушек – один человек, «четвертая», то есть одна девушка, которой нам не хватало, и они вполне весело приняли это, смеялись, вообще чем дальше, тем больше они мне нравились. Праздник, кажется, складывался. Две Лены, Таня, все трое из Львова. Непосредственность, отсутствие выпендривания, а там, на набережной, нас ждет еще и несравненная Галя – ну как же все-таки может быть хорошо, несмотря даже на плохую погоду!

Галчонок, милая наша креолка, действительно ждала нас, она удивилась, конечно, чуть-чуть в первый момент растерялась, но – лишь в самый первый момент. Оценила наши способности!

– Вот, это вторая девушка, «четвертый», – засмеялся я, указывая на всех троих, и энергично и весело мы зашагали на территорию Дома.

И вот что еще в очередной раз порадовало меня: Галка уже освоилась, хотя она была в трудном меньшинстве, ничуть не тушевалась, наоборот, вела себя так, словно не они, а она здесь хозяйка, ее излучение не только не померкло, а, наоборот, усилилось.

Вот пример, господа, вот же достойный пример! – думал я радостно. Давай, Вася, смотреть и запоминать. Вот как надо вести себя, вот чего так не хватает нам и столь многим из нас в наш приниженный век: не тушеваться в трудных обстоятельствах – наоборот! Выпрямиться, себя показать во весь рост, честную борьбу вести, не теряя достоинства, не боясь проиграть – и тогда проигрыш будет бояться тебя! Наши трое львовянок были, как на подбор – красивые, стройные, разные, высокие, породистые, молодые, уверенные в себе (по 8-9 очков, не меньше!), – и как это только разыскали мы с Васей этот уникальный ансамбль? Галка была чуть ниже ростом и, как выяснилось потом, чуть старше их – Ленам было по девятнадцать, Тане двадцать. А Галка, как это тоже выяснилось чуть позже, была еще и простужена, то есть не в форме... Но ни нотки самоуничижения не было в поведении ее с самого начала! Судьба бросила ей вызов в лице достойных соперниц – и она его, не дрогнув, приняла.

Смотри, Вася, наблюдай. И такую-то девушку ты хотел взять запретами и измором?

Это был великолепный вечер, прекрасный. Неожиданно осуществилось то, о чем я столько мечтал – маленькая модель большой и давней мечты. Фрагментик Рая...

Нас было шестеро. Не знаю, как для девушек, как для Василия, но для меня именно так было в самый раз. Впрочем, и им ведь нравилось! Разве что Вася не играл до конца той роли, какую мог бы играть, но тут уж ничего не поделаешь. Хотя он и окружил вниманием и нудными своими рассказами Таню, однако главный его интерес все еще был направлен на Галку, а потому в нем не было полной искренности, тем более, что Галка его всего лишь терпела.

Как складывается ансамбль человеческой группы? Вечная загадка! Ведь то, как человек ведет себя в случайной группе, насколько он свободен, насколько не пытается закрепостить, подчинить себе других с одной стороны и не закрепоститься с другой – лучший экзамен для личности.

Так вот в нашей группе ансамбль складывался великолепно. По крайней мере для меня и по крайней мере поначалу. Флюиды женственности, источавшиеся всеми четверыми, насытили атмосферу в моей келье до предела. Каждая из молоденьких женщин была как источник, как цветок, распускающий свои лепестки, испускающий аромат, излучающий приветливое биополе – общее напряжение достигло достойного уровня. Значит, не ошибался я в своей вере! Все возможно даже в нашей довольно тусклой действительности – это зависит от нас самих!

Очаровательная Галка честно сказала, что у нее болит горло, и спросила, нет ли у меня шарфика повязать. Шарфика у меня не было, я дал ей теплую рубашку, рукавами она как-то по-домашнему повязала горло, и такое простое действие еще больше сблизило нас. А Роберту это определенно не понравилось – ведь рубашка-то моя! Но что же делать...

Мы выпили, послушали Васины записи бардов и менестрелей, пора было переходить и к танцам. Тут, конечно, замечен был дефицит партнеров, тем более, что Вася вообще не любитель танцев, но зато танцы нравились мне, да и в каждой женщине, по-моему, скрыта генная, что ли, память дикарок и одалисок – кому ж не хочется выразить себя в ритмичных, раскованных телодвижениях, тем более, если это делают и другие вокруг? Есть ведь даже философское направление, призывающее к танцам как к универсальному методу общения – может быть хоть такой метод поможет заблудившемуся в противоречиях и несовместимостях человечеству?

Первый танец и был, естественно, коллективный – тут Вася, слава Богу, расковался немного, перестал подсчитывать убытки и проигрыши, даже заговорил без нудности, оживленно, раскованно и весело двигаясь – так бы всегда!

Затем последовал медленный танец, интимный, и, благородно уступая Роберту Галку, я пригласил одну из Лен. Собственно, с самого начала мы все «перестреливались» взглядами – волнующий период разведки и безмолвных переговоров! – и после Галкиных глаза Лены были для меня, пожалуй, наиболее выразительны, и, надо признаться, они были великолепны. Как выяснилось очень скоро, не менее великолепной была у нее и фигура, а особенно, пожалуй, упругая девичья грудь...

Сближение человеческих тел... Казалось бы: акт чисто внешний, физический и тем более незначительный, если он происходит при свидетелях – в танце. Но это совсем, совсем не так. Сближение это не только внешнее... Вот ведь как мы устроены! Я сгорал от нежности к Галке, хотя, конечно, вынужден был сдерживаться – она ведь пришла с Василием, и благородство не позволяло мне... – однако Лена мне тоже очень понравилась, тем более в праздничной атмосфере нашего вечера.

Да! Именно! И самое удивительное, что оба чувства, казалось мне, приобрели особую многозначительность, яркость именно от того, что мирно сосуществовали! Подозреваю даже, что одно из этих чувств усиливало, расцветчивало другое! Ничего себе, да?

А началось это так.

...Когда только еще зазвучало что-то медленное и чарующее, я взглянул на Лену – ее глаза тотчас откликнулись... Когда же сделал шаг к ней – она тотчас встала и оказалась очень

близко ко мне. Я обнял ее за талию, ее полная грудь тотчас расплющилась о мою, не скрою, это нашло во мне немедленный отклик, я ощутил, что и дыхание Лены стало прерывистым... Мы двигались в волнах музыки, захваченные и объединенные ею, и все больше и больше сближались... Галю я не забывал ни на миг, но я ощущал одновременно огромную симпатию к Лене! А Лена доверчиво и покорно все теснее прижималась ко мне... И тут... Да, да, я вспомнил! Из прошлого своего...

Это была школьная любовь, милая девочка, блондинка – мы учились в разных школах, я в «мужской», она в «женской» (в те времена нас отделяли друг от друга, словно самцов от самок в стаде, чтобы не дай бог...). И я любил ее «на расстоянии» уже два года (ее имя и фамилия и сейчас звучат райской музыкой для меня...) и, увы, не целовал ни разу наяву (это было предосудительно, неприлично, и так страшно...), хотя во сне, конечно, бывало не раз... Самое удивительное, что ведь и она весьма симпатизировала мне и, как я отчетливо понимаю теперь, была готова, возможно не только к поцелуям, однако я ни на что не решался... И вот совместный вечер двух школ (по линии «совместной комсомольской работы»), я приглашаю ее на танец. И с замирающим сердцем танцуя на расстоянии, как обычно, я вдруг чувствую, что мы сближаемся, и я – о чудо! – ощущаю касание ее вполне женской груди! От едва выносимого и непривычного мига счастья у меня потемнело в глазах, я покачнулся и чуть в обморок не упал и даже отстранился испуганно... И так и не смог я преодолеть тогда беспомощности своей – неразвитости! трусости! лицемерия, внушенного мне «воспитателями!» – и... Потерял тогда свою первую любовь, чего до сих пор простить себе не могу.

И теперь воспоминание ожило внезапно. Но... Теперь я в состоянии был вместить! – и уже не потемнело в глазах от божественного прикосновения, хотя и не притупилось ничуть, и я как победитель радовался свободе своей! Да! Да! Да! Не зря, не зря работал над собой и тренировался, не зря! Победил! Все – сбывалось! Как же заморочили головы нам «мудрецы»... И я пил крупными глотками, не сдерживаясь, свободную радость общения, мне не было стыдно, я – ЖИЛ! Я раскрывался навстречу многоцветному миру без страха – и мир был расположен ко мне! Вот же – и Галя, и Лена теперь, кажется – вот же, вот! И к обеим – к Галке, конечно, но и к Лене тоже! – я теперь шел не бедненьким, не обделенным судьбой, а – богатым!

Ах, как отвечало моему свободному объятию стройное тело Лены! И Галины глаза, когда мы с ними встречались, с такой симпатией сверкали тоже... Минуты легкого опьянения, щедрой дружбы, может быть даже любви всех ко всем наступили... Миг оторванности от прошлого и будущего – *прорыв?*

Даже Вася неопределенно и счастливо улыбался... Да, да, не Роберт был сейчас с нами – Василий! Именно он, Василий, а никакой не «англичанин» – Василий, торжествующий в своем естестве! Ах, Вася, остановись, запомни! Услышь зов свыше, поверь ему без страха, не забывай... Он – для нас с тобой, он – для нас... Музыка звучала, и мы все дружно плыли в волнах этой музыки...

После медленного танца с Леной, после двукратной перемены партнерш – другой Лены и Тани, потому что Вася неизменно приглашал Галю, – зазвучал быстрый ритм, и Роберт уединился в лоджии с Таней, которая захотела курить, а я позволил себе пригласить принцессу.

Как просияла она, навстречу вставая! Сколько искренней – не только женской, но и просто человеческой, детской готовности было в ее глазах, в легком движении мне навстречу. Сколько приветливости, радости, и – ни намека на ревность за то, что я вот позволил себе особенно пофлиртовать с одной из фрейлин. Сколько всепрощающего человеческого доброжелательства и широты! Вестница, вестница не только юности, но – будущего! Королева! Великодушная и прекрасная...

Это был быстрый танец, и мы держались на расстоянии, но движения Гали были сама пластика и экспрессия. Мягко передвигалась она, гордо держа свою голову индианки, длинные распущенные волосы подчеркивали очарование стройной фигуры, и даже обе Лены оста-

новились, освободили пространство посреди комнаты, безусловно отдавая пальму первенства ей, грациозной креолке, откровенно любуясь. Ах, милая Лена, первая фрейлина с открытым и ясным взглядом, с высокой грудью, так пленительно отдававшаяся моим объятиям! Ты тоже была прекрасна в своем великодушии и широте – уступив сильнейшей, ты ничуть не роняла (ты слышишь, Вася: ничуть!), не роняла своего собственного достоинства при этом. Наоборот! Вот, вот у кого нам с тобой нужно учиться, дорогой Вася, – у них!

Но – увы! Увы... Недолго длился наш счастливый прорыв! Быстро кончился первый волшебный хмель, рассудок потихоньку включался, и зашевелились в каждом из нас воспоминания о прошлом, о неудачах; сомнения, страхи подняли змеиные головы; защелкали счеты...

Еще только наблюдая – с «вольтеровской», кислой, скептической, горестной улыбкой наблюдая наш с Галей танец из лоджии как из засады, посверкивал Роберт «английскими» своими очками, и лицо его отнюдь не выражало бескорыстного созерцательного блаженства, любования, нет. Ведь Галя танцевала не с ним, не с ним...

Да, не надолго хватило великодушия и широты, не надолго. Видно было, что неуютно чувствует себя и Таня. Ведь еще с самых первых минут – когда только еще познакомились у танцплощадки, – я заметил, что именно она среди троих лидер, а потому теперь, на празднике нашем, такой естественной была для нее, увы, претензия на нечто большее, чем быть просто фрейлиной, просто равной и свободной, как все... После первых минут всеобщей безоглядной свободы, она и курить-то отправлялась теперь со значительностью, с претензией на неординарность – ведь курила среди нас шестерых только она одна! – а когда говорила за столом, то с ощутимым апломбом и ожиданием особой реакции на свои слова, а если таковой не было, то это явно задевало ее. Не случайно, пожалуй, так быстро они нашли контакт именно с «Робертом»! Уж ей-то точно не нужен был Вася, ей-то уж, конечно, подавай «англичанина». Что же касается меня, то мне она нравилась меньше всех – я терпеть не могу выпендреж, – и она, по моему, это чувствовала...

И так видна была теперь в общей, искренней поначалу атмосфере нашего вечера, дружная неудовлетворенность двоих – Роберта и Тани, – и уж совсем явно выглядела она теперь, когда двое они, как заговорщики, уединились в лоджии и смотрели оттуда с неискренними улыбками, как из засады...

Впрочем, нет: искренними! Искренними были они, как и мы, тоже искренними! Но – по-другому...

Вот, значит, и искренность не спасает. Увы.

И наступил момент, когда уже не на быстрый и легкий танец на расстоянии, а на медленный – близкий! – мог я позволить себе пригласить принцессу. Да, Роберт, я ждал, сдерживал себя, но теперь извини. Почему же это я должен пестовать дешевый твой эгоизм, не думая ни о себе, ни о Гале? Нет ли в уступчивости такой чего-то жалкого и ничтожненького? Должен ли я быть сообщником в твоём несчастном чувстве «собственности»? Это, что ли, дружеский долг?

И лишь только я к ней подошел, она тотчас встала и приникла ко мне, а Роберт немедленно покинул свою засаду и сел на кровать в самом центре комнаты, демонстративно и критически, все с той же «вольтеровской», жалко-зловещей улыбкой глядя...

Очаровательное, мудрое существо Галя! Она все понимала... И забавным – теперь уже забавным, – было наблюдать за выражениями лиц присутствующих. Спокойное лицо второй Лены; спокойное и доброе – вот же какая умница! – лицо Лены первой; нервное, озабоченное лицо Тани, утратившей лидерство здесь; и – опять обиженная! опять жалкая, жалобная! – гримаса внимательно наблюдающего – именно наблюдающего за нами! – Роберта. Бедный Вася...

Было уже около одиннадцати, и пришло время расходиться. Галка сказала, что у них на турбазе дверь закрывают ровно в одиннадцать, и проникнуть потом в свой корпус почти невозможно.

– Если дверь закрыли, я сюда вернусь, – улыбаясь, добавила она, и сердце мое в который уж раз за этот вечер затрепыхалось, ликуя. Похоже, она не шутила!

– Конечно, Галя, я дверь оставлю открытой, – ответил я, нарочно как можно громче.

Но лицо Васи жалко было смотреть...

И все же договорились, что завтра все шестеро пойдем в горы, для чего встретимся в десять утра на набережной у причала.

Лены и Таня жили не на турбазе – их официально поселили в частной квартире, – и Василию было по пути как раз с ними, но где уж. Он взял Галю за руку крепко и не отпускал, и это было и вовсе смешно. И все же я сказал, что пойду провожать троих.

– Лучше бы наоборот, ты бы меня проводил, а вы – их, – сказала Галка.

«Ты» относилось ко мне, а «вы» – к Роберту, однако Вася, напрягшись, не уступил. Он крепко держал ее за руку...

8

Это была для меня прекрасная ночь, хотя и прошла она – представьте себе! – в одиночестве.

Ах, в одиночестве ли на самом деле, дорогие мои сограждане. Это ли одиночество? Со мной в ожидании и мечтах была Галя – я все-таки ждал, что она вернется, как ни чрезмерно смело с ее стороны это мне казалось. Я действительно не запер дверь и полночи чутко прислушивался к тому, что происходит за окном: может быть, она сначала шепнет мне оттуда? Временами я забывался в дреме, и тогда она точно уже возвращалась – в моем воображении, разумеется, – и уж конечно прямо-таки пламя сжигало нас... Но в том же воображении приходила и Лена, первая фрейлина, и мы были втроем! Да-да, Лена была третьей, и никого из нас не смущало это! Да! Да! Да!

Конечно, возникала и нота горечи, когда включалось сознание. Возможно ли? Привычный цензор поднимал осуждающий перст, и появлялась мерзкая оглядчивость, и страх опутывал почему-то. Но усилием воли я прогонял наваждение – и тогда мир вновь расцветал – и длился и длился наш праздник! Что-то детски естественное, наивное было в нашей встрече троих и – прекрасное! И не было ни в ком из нас разъедающего чувства собственности, отдельности...

Разве справедливо одному кому-то или немногим обладать солнцем, зеленью листьев, цветами и воздухом, радостью, – рассуждал я, просыпаясь. Разве не высшее счастье – обладать этим всем вместе, делиться сокровищами, которые даны нам природой? – билась во мне беспокойная мысль... Разве женщина, высшее проявление естества природы, может принадлежать кому-то без своего желания? Разве солнце ее существа, принадлежащее даже не ей самой, а – природе, разве оно не погаснет неминуемо от навязанных ей запретов? Разумеется, если она хочет светить кому-то одному – пусть светит, но можно ли силой заставить ее светить? И разве не есть преступление против жизни попытка ее погасить? Естественно ли, когда кто-то один вдруг поднимает указующий перст и давит, давит других, обманом добившись власти?... Но я отгонял, отгонял эти назойливые трезвые мысли и вновь погружался в чудесные фантазии, счастливые сны.

...Почему-то не море было рядом, а то ли река, то ли озеро. И светило солнце, летали бабочки, травы колыхались, шелестела листва деревьев. И пели птицы, и кожу ласкал легкий ветер... Было четкое ощущение, что вот это момент истины и есть, а все другое, чем живем мы обычно изо дня в день, не имеет никакого значения... *«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, а воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше...»* – вспоминались евангельские строки... *«Будьте*

как дети, ибо их есть Царствие Небесное...» И обе девушки были рядом, они любили меня, и я любил их обеих, и никому из нас не нужно было быть главным...

И что еще интересно: в своих снах я был мужчиной, но сдержанным – я ласкал их, восхищался ими, проникал в нежные их тела, я был переполнен силой, дарил и дарил, но – не уставая, не разряжаясь... И уверенность в том, что могу так – не разряжаясь! – наполняла меня торжеством!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.